

Быть разорванным: человеческое тело разрывается на части, как при срабатывании взрывного устройства.

Грэдлов. Судебная медицина

Код три*

Отдел по борьбе с терроризмом

Силвер-Лейк, Калифорния

Чарли Риджио смотрел на картонную коробку, стоящую около контейнера для мусора. Это была большая коробка из «Веселого зеленого великана», и из нее торчало нечто похожее на смятый мешок из коричневой бумаги. На боку коробки красовалась надпись: «ЗЕЛЕННЫЕ БОБЫ». Ни Риджио, ни два полицейских в форме не рискнули подойти к ней близко и остановились на углу торгового центра на бульваре Сансет.

— И давно она тут?

Один из полицейских, филиппинец по имени Руис, посмотрел на часы.

— Наша смена началась около двух часов назад. И мы никуда не уходили.

— А нашли кого-нибудь, кто видел, как она сюда попала?

— Нет, конечно. Никто ничего не видел.

---

* Форма срочного вызова отрядов полиции с включенным спецсигналом. (*Здесь и далее прим. перев.*)

Другой полицейский, черный парень по имени Мейсон, кивнул.

— Руис ее заметил. И подошел посмотреть, как самый настоящий придурок.

— Ну и что ты там увидел?

— Я ведь рассказывал, сержант.

— Повтори. Мне же придется иметь дело с этой проклятой штукой, а не тебе.

Руис заново изложил, что увидел запечатанные концы двух оцинкованных трубок, соединенных серебряной клейкой лентой. Трубки были не слишком плотно завернуты в коричневую бумагу, и он сумел разглядеть только концы.

Риджио задумался над его словами. Они стояли рядом с торговым центром на бульваре Сансет в Силвер-Лейк, районе, где в последние несколько месяцев заметно вырос уровень организованной преступности. Специалисты подрывники из банд вполне могли украсть трубки с любой из строек или найти в саду какого-нибудь придурка, набить любым взрывчатым веществом, да хотя бы головками от спичек. Риджио не знал наверняка, настоящая тут бомба или подделка, но понимал, что должен действовать так, будто она настоящая. Это правило, которое следует неукоснительно соблюдать, когда поступает сообщение о найденном взрывном устройстве. Больше девяноста пяти процентов оказывается безобидными флаконами от лака для волос, забытыми портфелями школьников или, как на последнем вызове, двумя килограммами марихуаны в упаковке для памперсов. И только один из сотни бывает «импровизированным оружием» — как называют его специалисты. Самодельной бомбой.

— Ты слышал, чтобы там тикало или что-нибудь в этом роде?

— Нет.

— Почувствовал запах, как будто что-то горит?

— Ага.

— Открывал коробку, чтобы рассмотреть, что там?

— Нет, конечно.

— Передвигал ее или еще что-нибудь?

Руис улыбнулся Риджио так, словно он был не в своем уме.

— Слушай, приятель, я как увидел те трубки, так сразу наделал в штаны. Единственное, что я двигал, это мои собственные ноги!

Мейсон рассмеялся.

Риджио вернулся к своей машине. Саперы ездили в темно-голубых фургонах-внедорожниках с прожекторами и самым разнообразным оборудованием, которое используют в своей работе специалисты по разминированию. Не было только роботов. В случае необходимости их нужно заказывать по телефону, но Риджио не собирался этого делать, понимая, что проклятая штука мгновенно застрянет в выбоинах на тротуаре и до коробки просто не доберется.

Он обнаружил, что его начальник, Бак Даггет, уже дает указания сержанту в форме полиции очистить территорию вокруг магазина на сто ярдов, а также вызвал пожарных и «скорую помощь», которые должны были вот-вот явиться на место. Движение на бульваре Сансет перекрыли, и машины направляли в объезд. И все ради штуки, которая вполне могла оказаться какой-нибудь насадкой для труб, смастаченной растяпой водопроводчиком.

— Эй, Бак, я готов посмотреть, что у нас там.

— Надень защитный костюм.

— Слишком жарко. Я сначала надену нагрудник, а если придется разминировать — костюм.

На первом этапе Риджио применит портативный рентгеновский прибор, чтобы выяснить, что в мешке. Если там окажется бомба, они с Даггетом составят план разминирования и либо дезактивируют устройство, либо взорвут прямо на месте.

— Я хочу, чтобы ты надел костюм, Чарльз. У меня нехорошее предчувствие.

— У тебя всегда нехорошее предчувствие.

— А еще у меня сержантские нашивки. Надевай костюм.

Защитный костюм весил почти девяносто фунтов. Он был сделан из кевларовых пластин с прокладками из «Номекса» и закрывал тело Риджио целиком, кроме кистей рук, остававшихся голыми. Специалист по разминированию должен чувствовать, что он делает.

Надев защитный костюм, Риджио взял рентгеновский прибор РТР-3 «Риал тайм» и медленно направился к коробке. У него тут же появилось ощущение, что его завернули в мокрые одеяла, только было намного жарче. Через три минуты пот уже заливал глаза. Да еще кабель, соединявший его с Даггетом через телекоммуникатор, добавлял радости. Тот, что тянулся от рентгеновского прибора к компьютеру, установленному в фургоне. Вскоре Риджио чувствовал себя так, будто ему приходится тащить за собой плуг.

— Ну, как дела? — услышал он голос Даггета.

— Я мокрый как мышь — спасибо тебе огромное.

Эту часть работы Риджио ненавидел больше всего — он очень не любил подходить к незнакомым предметам. И всякий раз относился к такому предмету, как к зверю, наделенному разумом. Если он будет соблюдать осторожность и все правильно сделает, ничего не случится. А если он испугает зверя, тот разорвет его на клочки.

Восемьдесят два медленных, очень медленных шага — и вот он возле коробки.

Ничего особенного она собой не представляла, если не считать мокрого угла, который, похоже, пометил какой-то пес. Мешок из коричневой бумаги, смятый и потрепанный, был открыт. Не прикасаясь к нему руками, Риджио заглянул внутрь. Наклоняться было тяжело, но когда ему это удалось, пот, словно дождь, залил пластину, защищавшую лицо.

Риджио увидел две трубки, о которых говорил Руис. Заглушки на них были в два с половиной дюйма в ди-

аметре, но больше ему ничего рассмотреть не удалось. Трубки были кое-как завернуты в газеты, так что на виду оставались только концы.

— Ну, что там у тебя? — спросил Даггет.

— Пара трубок. Подожди, сейчас я отправлю тебе картинку.

Риджио поставил на землю у основания коробки РТР-3, настроил камеру на вид сбоку и включил ее. На двух экранах появилось прозрачное изображение вроде тех картинок, что возникают при проверке багажа в аэропорту: одна для самого Риджио, в верхней части РТР-3, а другая отправилась на компьютер в фургоне.

Чарли Риджио улыбнулся.

— Сукин сын. У нас тут самая настоящая бомба, Бак.

— Вижу.

Две трубки на экране выглядели как непроницаемые тени, соединенные проводами или запалом. Риджио нигде не заметил таймера или более сложного устройства, активирующего бомбу, и пришел к выводу, что ее сделал у себя в гараже «специалист» из какой-нибудь местной банды. Бомба совсем простая, «грязная», дезактивировать такую будет легко.

— Настоящий подарок, Бак. Думаю, нужно использовать метод поджигай-запал-и-беги-со-всех-ног.

— Будь осторожен. Там может быть вмонтирован датчик движения.

— Я не собираюсь ее трогать, Бак. Господи, ты думаешь, я полный идиот?

— Ладно, не лезь в бутылку. Отщелкай несколько снимков, и мы решим, что тут у нас.

По правилам Риджио полагалось сделать серию цифровых компьютерных снимков взрывного устройства при помощи РТР-3 под углом в сорок пять градусов. Когда Риджио с этим закончит, он вернется к фургону и они с Даггетом вместе решат, как лучше обезвредить устройство.

Риджио медленно обошел коробку, направляя на нее камеру под разными углами. Он не боялся и чувство-

вал себя совершенно спокойно, потому что наконец знал, с чем имеет дело, и не сомневался, что сможет справиться с этой задачей. За шесть лет службы в отделе Риджио довелось иметь дело с сорока восемью подозрительными предметами; только девять из них оказались настоящими бомбами. Ни одна не взорвалась произвольно, всякий раз он контролировал процесс.

— Ты почему молчишь, Чарли? С тобой все в порядке?

— Приходится обходить ямки и выбоины в асфальте, сержант. Я уже почти закончил. Знаешь, у меня появилась гениальная идея.

— Прекрати. Будь внимателен.

— Нет, послушай, что я придумал. Сколько всякого народа рекламирует по телику разную ерунду, а им платят за нее кучу денег. Мы могли бы неплохо заработать, продавая наши костюмчики толстякам, мечтающим похудеть. Надел — и лишнего веса как не бывало.

— Ты поосторожнее с этой бомбой, Риджио. Какая у тебя температура?

— У меня все в порядке.

По правде говоря, от жары у него голова шла кругом, но он хотел сделать четкие, хорошие снимки. Риджио обошел коробку, представляя себя космонавтом в скафандре, снял ее спереди, и с боков, и сзади, затем навел камеру так, чтобы получить вид сверху. Именно в этот момент он заметил тень, которая была не видна на боковом снимке.

— Бак, ты разглядел? Мне кажется, тут кое-что интересное.

— Что?

— Вид сверху. Посмотри.

Тонкая, словно волос, тень возникла сбоку одной из трубок и тянулась сквозь переплетение проводов. И тут Риджио в голову пришла неожиданная мысль: а что, если весь клубок для того и нужен, чтобы спрятать этот тоненький проводочек?

В это мгновение ему стало страшно, и внутри у него все сжалось. Он попытался позвать Бака, но не мог произнести ни слова.

«О господи!» — подумал Риджио.

Бомба взорвалась со скоростью двадцать семь тысяч футов в секунду, в двадцать два раза быстрее, чем девятимиллиметровая пуля вылетает из дула пистолета. В небо ослепительно белой вспышкой взмыла волна жара, способного расплавить металл. Давление подскочило с нормального — пятнадцать фунтов на квадратный дюйм — до двух тысяч двухсот, превратив металлические трубки в жалящую шрапнель, пробившую кевларовый костюм, точно сверхскоростные пули. Ударная волна налетела на тело Риджио с нечеловеческой силой, раздробила грудь, вырвала печень, селезенку и легкие, отсекала ничем не защищенные кисти рук. Чарли Риджио подняло в воздух на четырнадцать футов и отшвырнуло на расстояние тридцати восьми футов от места взрыва.

Даже на таком расстоянии от места Риджио мог бы остаться в живых, если бы его подозрения, что бомба сделана в каком-нибудь гараже из подручных материалов, было верным.

Но он ошибся.

Куски асфальта и металла падали, словно кровавый дождь, еще долгое время после того, как Чарли Риджио умер.

1

— Расскажи про палец. Я знаю, ты говорила по телефону, но повтори все еще раз с самого начала.

Старки сделала большую затяжку и стряхнула пепел на пол, даже не взглянув в сторону пепельницы. Она делала так всякий раз, когда приходила сюда, потому что эти визиты ее раздражали.

— Пожалуйста, возьми пепельницу, Кэрол.

— Я промахнулась.

— Нет, не промахнулась.

Кэрол Старки, детектив-2, сделала еще одну глубокую затяжку и загасила сигарету. Когда она только начала ходить к психотерапевту Дане Уильямс, та не разрешала ей курить во время сеансов. Это было три года и четыре психотерапевта назад. За то время, пока Старки сражалась со вторым и третьим специалистом, Дана закурила сама и запрет был снят. Иногда они курили вместе, и комната становилась похожей на Имperiал-Вэлли, затянутую выхлопными газами*.

Старки пожала плечами.

---

* В долине Имperiал-Вэлли (Калифорния) в восточной части (Имperiал-Сэндс) устраиваются традиционные автомобильные гонки в песчаных дюнах.

— Наверное, и правда не промахнулась. Просто мне все это осточертело. Три года, а я вернулась туда, откуда начала.

— Иными словами, ко мне.

— Угу. Словно за три прошедших года я этим дерьмом не занималась.

— Итак, расскажи мне, что произошло, Кэрол. Расскажи про большой палец девочки.

Старки зажгла новую сигарету и откинулась на спинку стула, стараясь вспомнить палец ребенка. Она выкуривала три пачки в день. Она должна была чувствовать себя лучше от этого, но ничего не получалось.

— Было четвертое июля. Идиот из Вениса решил устроить собственный фейерверк и раздал соседям самодельные хлопушки. В результате маленькая девочка лишилась большого и указательного пальцев на правой руке, и нас вызвали из «скорой помощи».

— Кого «нас»?

— Меня и мою напарницу Бет Марзик.

— Еще одна женщина?

— Да. Нас в отряде двое.

— Хорошо.

— К тому моменту, когда мы туда приехали, они уже укатили домой, и мы отправились к ним. Отец плакал и рассказывал о том, как они нашли палец, но не большой, а потом показал нам самодельные хлопушки, такие огромные, что девчонка могла бы и всей руки лишиться.

— Он сам их сделал?

— Нет, сосед, но отец отказался назвать его имя. Сказал, что он не хотел ничего плохого. Я ему напомнила, что его дочь искалечена, другим детям угрожает опасность, но он не желал с нами сотрудничать. Тогда я спросила у матери, но он что-то крикнул по-испански, и она тоже промолчала.

— А почему они не хотели тебе отвечать?

— Потому что люди дерьмо.

Мир, по представлениям детектива-2 Кэрол Старки, служившей в отделе по борьбе с террористами-взрывниками полицейского департамента Лос-Анджелеса, был именно таковым. Дана что-то записала в блокноте, обтянутом кожей. Старки терпеть не могла, когда она так поступала. Записи делали ее слова физически значимыми, и Старки чувствовала себя уязвимой, потому что их можно было использовать как улику.

Старки сделала очередную затяжку, пожалала плечами и продолжила свой рассказ:

— Длина этих хлопушек шесть дюймов, так? Мы называем их «мексиканский динамит». Когда взрывается сразу много штук, звук получается примерно такой же, как на учебных стрельбах в тире академии. И мы с Марзик начали обходить дома. Но соседи вели себя точно так же, как отец той девчушки,— отказывались отвечать на наши вопросы, и меня охватила страшная ярость. Когда мы с Марзик шли к нашей машине, я опустила глаза и увидела палец девочки. Просто опустила глаза, а он лежит на земле, красивый такой, крошечный палец. Я его подняла и отнесла родным.

— По телефону ты мне сказала, что пыталась заставить отца съесть его.

— Да, схватила этого папашу за шиворот и засунула ему палец в рот. Именно так я и сделала.

Дана пошевелилась на стуле, пытаясь устроиться поудобнее. Глядя на нее, Старки поняла, что та мысленно нарисовала себе эту картину и она ей не понравилась. Старки не винила ее за это.

— Вполне понятно, почему они подали жалобу.

Старки докурила сигарету и погасила ее.

— Они не подавали никакой жалобы.

— В таком случае почему?..

— Марзик. Думаю, я ее напугала. Она все рассказала лейтенанту, и Келсо пригрозил, что отправит меня в «Берег» для освидетельствования.

Дело в том, что отдел исследования поведенческих схем полицейского департамента Лос-Анджелеса находился в Чайнатауне, на Бродвее, в здании под названием «Дальневосточный берег». Все панически боялись отправки туда, справедливо считая, что в этом случае подвергается сомнению их психическая устойчивость, а значит, они могут распрощаться с мечтами о продвижении по службе. У начальства даже имелось специальное выражение: «чрезмерное стремление к карьерному росту».

— Если меня отправят в «Берег», то обратно, в отдел по борьбе с терроризмом, уже никогда не возьмут.

— А ты хочешь вернуться и не оставляешь их в покое?

— Это все, чего я хочу после того, как вышла из больницы.

Не в силах справиться с раздражением, Старки встала и закурила опять. Дана внимательно ее изучала, и это Старки тоже не понравилось. У нее возникло ощущение, что Дана за ней наблюдает, словно надеется увидеть и услышать что-нибудь новое, что-то такое, что она сможет записать в свой блокнот. Эту эффективную полицейскую тактику Старки и сама использовала не раз. Если ты помалкиваешь, люди чувствуют себя обязанными заполнить тишину словами.

— Проклятье, работа — это все, что у меня осталось.

Старки выругала себя за оборонительные нотки в голосе и еще больше смутилась, когда Дана сделала новую пометку в блокноте.

— Поэтому ты сказала лейтенанту Келсо, что сама обратишься за помощью.

— Боже праведный, нет, конечно. Мне пришлось повалиться у него в ногах, чтобы выпутаться из этой истории. Я знаю, что у меня есть проблемы, Дана, но я намерена решить их так, чтобы не пострадала моя карьера.

— Из-за большого пальца?

Старки уставилась на Дану Уильямс с таким же холодным выражением на лице, с каким встречалась бы с представителями отдела служебных расследований.

— Потому что я разваливаюсь на части и мне страшно.

Дана вздохнула, и в ее глазах появилось ласковое выражение, которое привело Старки в ярость, потому что она терпеть не могла казаться уязвимой и слабой. Кэрол Старки не умела быть слабой — никогда.

— Кэрол, если ты ко мне вернулась с желанием, чтобы я тебя починила, словно ты вышедшая из строя машина или что-нибудь в этом роде, то честно тебе скажу: я не могу этого сделать. Психотерапия не то же самое, что сломанная кость. На нее уходит много времени.

— Прошло три года. Я уже давно должна быть в норме.

— Здесь нет понятия «должна», Кэрол. Подумай о том, что с тобой произошло. И что тебе довелось пережить.

— Я уже достаточно об этом думала. Целых три траханных года.

Острая боль возникала где-то в районе глаза всякий раз, когда она задумывалась о том, что случилось.

— Как ты считаешь, почему ты все время меняешь психотерапевтов, Кэрол?

Старки покачала головой, а потом соврала:

— Не знаю.

— Ты продолжаешь пить?

— Не выпила ни капли за целый год.

— А как ты спишь?

— Пару часов, потом просыпаюсь и уже не могу заснуть.

— Тебе снится один и тот же сон?

Кэрол похолодела.

— Нет.

— Приступы беспокойства?

Старки пыталась сообразить, как ей лучше ответить, но в это время завибрировал пейджер, прикрепленный к поясу. Она узнала номер мобильного телефона Келсо, за ним шли цифры 911, код, который детективы отдела по борьбе с террористами-взрывниками использовали, когда требовался срочный ответ.

— Дерьмо. Дана, я должна ответить.

— Хочешь, чтобы я ушла?

— Нет. Я сама выйду.

Она взяла сумочку и отправилась в приемную, где женщина средних лет, сидевшая на диване, мельком на нее взглянула и сразу же отвернулась.

— Извините.

Женщина кивнула, не повернув лица.

Старки принялась искать в сумочке мобильный телефон, затем нажала кнопку быстрого набора. Когда Келсо ответил, Старки сразу же поняла, что он едет в машине.

— Это я, лейтенант. Что случилось?

— Ты где?

Старки посмотрела на женщину.

— Ищу себе туфли.

— Я спросил не что ты делаешь, а где ты, Старки.

Она почувствовала, что ее охватила злость, когда он это сказал, и стыд оттого, что ей вовсе не наплевать, что он о ней подумает.

— На западе.

— Хорошо. Отряд разминирования получил сигнал, и я... ну, я туда еду, Кэрол. Мы потеряли Чарли Риджио. Он погиб на месте происшествия.

У Старки похолодели кончики пальцев, и она ощутила зуд у корней волос. Это называлось «спрятаться в себя». Так тело защищается, иначе распределяя кровопоток, чтобы замедлить течение крови в организме. Подобная реакция осталась с тех незапамятных времен, когда человек был еще животным и чьи-то клыки или

когти могли его разорвать на части. В мире Старки опасность быть разорванным оставалась.

— Старки?

Она отвернулась и заговорила тише, чтобы женщина на диване ее не услышала.

— Извините, лейтенант. Бомба? Или что-нибудь са- модельное?

— Пока никаких подробностей, но мне известно, что взрыв был.

По спине Старки побежали струйки пота, внутри все сжалось. Подобное вообще было редкостью, но еще большей редкостью являлась смерть офицера во время исполнения своих обязанностей. Последний раз это произошло три года назад.

— Короче, я туда еду. Да, Старки, я могу поручить это дело кому-нибудь другому, если ты считаешь, что так будет лучше.

— Я первая на очереди, лейтенант. Это мое дело.

— Хорошо. Я просто предложил.

Он назвал адрес и отключился. Женщина на диване теперь не сводила со Старки глаз, словно чувствуя ее боль. Старки увидела свое отражение в зеркале, висящем на стене, — было видно, как сильно она побледнела, даже несмотря на загар. А еще она почувствовала, что дышит быстро-быстро и не может сделать глубокий вдох.

Старки убрала телефон и вернулась к Дане, чтобы сказать, что им придется прервать сеанс.

— Мы получили вызов, мне нужно ехать. Да, послушай, я не хочу, чтобы мои сеансы оплачивала страховка, ладно? Я это сделаю сама, как раньше.

— Ни у кого нет доступа к сведениям, содержащимся в договоре страхования, Кэрол. По крайней мере, без твоего согласия. Тебе не стоит тратить собственные деньги.

— Я предпочитаю заплатить.

Когда Старки начала выписывать чек, Дана сказала:
— Ты не рассказала, чем там все кончилось? Вы поймали того, кто сделал хлопушки?

— Мать девочки отвела нас к гаражу в двух кварталах от их дома, и там мы обнаружили того типа, а еще восемьсот фунтов бездымного пороха. Восемьсот фунтов! Там воняло бензином, потому что, знаешь, чем он зарабатывал на жизнь? Он был садовником. Если бы его гараж взорвался, на воздух взлетел бы весь квартал.

— Боже праведный!

Старки протянула Дана чек, попрощалась и направилась к выходу. Около двери она остановилась, вспомнив, что хотела задать вопрос.

— Знаешь, я никак не могу понять того парня. Может, ты мне сможешь объяснить?

— В каком смысле?

— Когда мы его арестовали, он сказал, что всю жизнь делает фейерверки. И знаешь, как мы узнали, что он не врет? На левой руке у него было три пальца, а на правой — два. Ему их оторвало — один за другим.

Дана побледнела.

— Я арестовала дюжины таких типов. Мы называем их хрониками. Почему они это делают, Дана? Что можно сказать про людей, которые помешаны на бомбах?

Теперь Дана достала сигарету из пачки и закурила. Она выдохнула дым и некоторое время смотрела на Старки, прежде чем ответить.

— Думаю, из желания себя уничтожить.

Старки кивнула.

— Я позвоню, чтобы записаться на новый сеанс, Дана. Спасибо тебе.

Старки вышла из кабинета, не поднимая головы, чтобы не смотреть на женщину на диване, села в свою машину, но не стала ее заводить. Вместо этого она открыла портфель, достала из него серебряную фляжку с

джином, сделала большой глоток, распахнула дверцу, и ее вырвало прямо на парковку.

Отдышавшись, она спрятала фляжку и проглотила таблетку тагамета.

Затем, стараясь взять себя в руки, Кэрол Старки поехала к месту, которое как две капли воды походило на то, где она умерла.

Вертолеты гудели над местом происшествия, похожие на стервятников, кружащихся над добычей. Старки увидела их, когда примерно в полумиле от цели застряла в пробке. Она воспользовалась мигалкой, чтобы заехать на заправочную станцию, оставила там машину и прошла пешком оставшиеся восемь кварталов.

Добравшись до места, она обнаружила там дюжину радиофицированных машин, два внедорожника из отдела по борьбе с терроризмом и растущую на глазах армию журналистов. Келсо стоял около первого фургона с командиром отдела Диком Лейтоном и тремя дежурными техниками. Келсо, невысокий мужчина с обвислыми усами, был в спортивной куртке в черную клетку. Он увидел Старки и помахал рукой, но она сделала вид, что не заметила лейтенанта.

Тело Риджио лежало на площадке между зданием торгового центра и первым фургоном саперов. Коронер прислонился к своему микроавтобусу, наблюдая за тем, как Джон Чен, криминалист из полицейского департамента, занимается телом. Старки была не знакома с коронером, она ни разу не сталкивалась в своей работе с гибелью на задании, но Чена знала.

Старки показала свой значок полицейским из оцепления, стоящим у въезда на парковку, и один из них, молодой паренек, которого она никогда не видела, сказал:

— Знаете, его разорвало на части. На вашем месте я бы туда не ходил.

— Правда?

— Только если бы у меня не было выбора.

Правила полицейского департамента Лос-Анджелеса запрещали курить на месте преступления, но Старки закурила, прежде чем пройти через всю парковку к телу Риджио. Она знала его с тех самых пор, как начала службу в отделе, и понимала, что будет тяжело. Так и оказалось.

Врачи, склонившиеся над телом Риджио, сняли с него шлем и нагрудник. Шрапнель разорвала костюм и оставила кровавые следы на груди и животе, казавшиеся синими в ярком полуденном солнце. На лице Риджио Старки заметила всего лишь одно отверстие, под левым глазом. Она посмотрела на шлем и увидела, что защитная пластина разбита вдребезги. Им говорили, что она может остановить пулю, выпущенную из охотничьего ружья. Старки снова повернулась к телу и только сейчас обнаружила, что у Риджио нет кистей рук.

Старки приняла еще одну таблетку тагамета и отвернулась, чтобы больше не видеть тело.

— Привет, Джон. Что тут у нас?

— Привет, Старки. Ты будешь заниматься этим делом?

— Угу. Келсо сказал, что Даггет где-то здесь, но я его не вижу.

— Его отправили в больницу. Он в порядке, но сильно потрясен случившимся. Лейтон решил, что его должны осмотреть доктора.

— Хорошо. И что он сказал? У тебя есть что-нибудь полезное?

Чен посмотрел на тело, затем показал на мусорный контейнер.

— Устройство находилось рядом с контейнером. Бак говорит, что Риджио был около него, проверял рентгеном, когда оно взорвалось.

Старки проследила за его взглядом и увидела на тротуаре большой кусок портативного рентгеновского устройства. Она снова посмотрела на мусорный контейнер и по-

няла, что кусок прибора пролетел больше сорока ярдов. Риджио лежал примерно в тридцати ярдах от контейнера.

— Даггет или врачи притащили его сюда?

Всякий раз, когда происходил взрыв, специалисты по разминированию не исключали возможность наличия второго устройства — этому их учили. Она решила, что Даггет оттащил тело Риджио от контейнера именно по этой причине.

— Тебе придется спросить у Даггета. Думаю, Риджио упал как раз на этом месте.

— Господи. Это же сколько... скажем, тридцать ярдов от места взрыва.

— Бак сказал, что взрыв был чудовищный.

Старки снова попыталась оценить расстояние, затем ногой подвинула остатки костюма, чтобы восстановить схему взрыва. Костюм выглядел так, словно в него угодило не менее двадцати пуль — причем стреляли в упор. Она видела подобный «рисунок» во время взрывов «грязных» бомб, когда вокруг летала шрапнель и всюду бушевало пламя, но здесь шрапнель преодолела двенадцать защитных слоев, а взрывная волна отбросила человека на тридцать ярдов. Какой же мощности должен быть взрыв!

Чен достал полиэтиленовый мешок из чемоданчика для улик и показал ей кусок почерневшего металла размером с почтовую марку.

— Смотри, какая любопытная штука. Это кусок трубки, которую я вытащил из костюма.

Старки пригляделась и увидела кривую тонкую линию на металле.

— Что это такое? Буква «S»?

Чен пожал плечами.

— Или какой-то знак. Помнишь бомбу, которую в прошлом году нашли в Сан-Диего, она еще вся была разрисована мужскими членами?

Старки проигнорировала его вопрос, Чен любил поболтать. Если он начнет рассуждать про бомбу, украшенную изображениями члена, она ничего не успеет сделать.

— Джон, прошу тебя, посмотри хотя бы часть образцов к сегодняшнему вечеру, ладно?

Чен помрачнел.

— Я здесь надолго задержусь, Кэрол. Мне нужно обследовать контейнер, а потом все, что вы, ребяташки, тут нароеете. Часа два или три уйдет только на то, чтобы все запротоколировать.

Они будут искать обломки взрывного устройства в радиусе ста ярдов, прочешут близлежащие крыши, осмотрят фасады жилых домов и зданий на противоположной стороне улицы, машины, контейнер для мусора и стенку за ним. Сгодится любая деталь, которая поможет понять, как или где была сделана бомба.

— Не ной, Джон. Это не по-мужски.

— Я только сказал, и все.

— Сколько нужно времени, чтобы получить результат анализа?

Чен помрачнел еще больше.

— Шесть часов.

Остатки взрывчатого вещества будут присутствовать на фрагментах бомбы, которые им удастся обнаружить, а также на месте взрыва и костюме Риджио. Чен сумеет определить, какое было использовано вещество, пропустив его через газовый хроматограф, и на это потребуется шесть часов. Старки отлично знала, каким будет ответ, но все равно задала свой вопрос, чтобы Чен почувствовал себя виноватым в том, что процесс занимает так много времени.

— Ты не мог бы проанализировать парочку образцов, чтобы запустить хроматограф, а потом все запротоколировать? Такое мощное взрывчатое вещество может сузить круг поисков преступника. Ты заметно облегчишь мне работу, Джон.

Чен строго придерживался правил и делал все очень методично, он ненавидел всяческие отступления, но не мог не признать, что она права. Он посмотрел на часы, пытаясь рассчитать время.

— Дай-ка я подумаю, когда мы здесь закончим. Хорошо, попробую, но ничего не могу гарантировать.

— Я давным-давно перестала верить гарантиям.

Фургон Бака Даггета стоял в сорока восьми шагах от тела Риджио. Старки их сосчитала.

Келсо и Лейтон увидели Старки и отошли от группы специалистов, чтобы ее встретить. Лицо Келсо было мрачным, Лейтона — напряженным и профессионально спокойным. Лейтон был дома на момент получения вызова и примчался сюда в джинсах и тенниске.

Лейтон мягко улыбнулся, когда они встретились глазами, и Старки увидела грусть в его улыбке. Лейтон уже двенадцать лет возглавлял отдел по борьбе с терроризмом и сам выбрал Старки из множества претендентов, а также Риджио и всех остальных техников, имевших звание ниже старшего сержанта. Он отправил Старки в школу ФБР в Алабаме и был ее начальником целых три года. Когда она лежала в больнице, он приходил к ней каждый вечер после дежурства в течение пятидесяти четырех дней, а когда она сражалась за то, чтобы сохранить свою работу, поддержал ее. В отделе не было никого, кого Старки уважала бы и любила больше.

— Дик, я хотела бы осмотреть место преступления, как только все успокоится,— сказала она.— Мы сможем использовать всех, кто будет свободен?

— Мы вызвали всех, кто не на дежурстве. Люди в твоём распоряжении.

Она повернулась к Келсо.

— Лейтенант, я хочу поговорить с патрульными, может, они тоже помогут.

Келсо наградил ее хмурым взглядом.

— Я уже поговорил с их начальством. Тебе не следует здесь курить, Старки.

— Извините. Пойду переговорю с ним, чтобы все организовать.

Она даже не сделала вида, что гасит сигарету, но Келсо не обратил внимания на ее демонстративное неподчинение.

— И еще кое-что. Ты будешь работать с Марзик и Сантосом.

Старки почувствовала почти непреодолимое желание принять еще одну таблетку тагамета.

— А Марзик обязательно к этому приставлять?

— Да, Старки, обязательно. Они уже едут. Кстати, лейтенант Лейтон говорит, что у нас кое-что имеется для начала: по девятьсот одиннадцатому получен звонок.

Она посмотрела на Лейтона.

— И что?

— Вызов приняла патрульная машина, но Бак сказал мне, что они разговаривали с неотложной помощью. Если так, у них должна быть запись разговора и адрес.

Отличные новости.

— Хорошо, я этим займусь. Спасибо.

Келсо посмотрел на собравшуюся толпу и нахмурился, когда увидел, что к нему направляется представитель службы связей с общественностью полицейского департамента Лос-Анджелеса.

— Похоже, придется сделать заявление, Дик.

— Я сейчас подойду.

Келсо поспешил, чтобы перехватить офицера, а Лейтон остался со Старки. Они подождали, когда лейтенант отойдет подальше, затем Лейтон окинул Старки внимательным взглядом.

— Как дела, Кэрл?

— Отлично, лейтенант. Как всегда, деру задницы и фиксирую имена. И по-прежнему хотела бы вернуться в отдел.

Лейтон неловко кивнул ей в ответ. Они часто обсуждали этот вопрос три года назад, и оба понимали, что

управление личного состава полицейского департамента никогда этого не допустит.

— Ты всегда была крепкой девочкой. И очень везучей.

— Это точно. Я сру везением по утрам.

— Тебе не следует так выражаться, Кэрол. Это не красиво.

— Вы правы, босс. Я исправлюсь, как только брошу курить.

Она улыбнулась, и Лейтон улыбнулся в ответ, потому что оба знали — она не сделает ни того ни другого.

Старки смотрела ему вслед, пока он шел к журналистам, устроившим импровизированную пресс-конференцию, и тут заметила Марзик и Сантоса, которые разговаривали с сержантом в форме, стоявшим в группе людей перед жилым домом на противоположной стороне улицы. Марзик оглянулась, но Старки обошла фургон и остановилась перед ним. Он стоял на расстоянии шестидесяти пяти ярдов от места взрыва. Телевизионный и прочие кабели по-прежнему тянулись от кузова к защитному костюму Риджио, но от взрыва все они перепутались.

Сначала ей показалось, что внедорожник не пострадал, но, приглядевшись, она увидела разбитую переднюю фару. Старки опустилась на корточки, чтобы лучше изучить повреждение, и обнаружила кусок черного металла в форме буквы «Е», застрявший в стекле. Старки не стала его трогать. Она не сводила с осколка глаз до тех пор, пока не поняла, что это кусок металлической пряжки от лямки костюма Риджио. Сделав глубокий вдох, Старки встала и взглянула на тело.

Люди коронера убирали его в специальный мешок. Джон Чен нарисовал белым мелом на земле контуры и теперь стоял с равнодушным видом, наблюдая за происходящим.

Старки вытерла о себя ладони и сделала еще вдох. Затем выдохнула и вдохнула еще, чтобы наполнить лег-

кие воздухом и пошевелить затекшей спиной. Ей было больно из-за старых шрамов. Марзик, которая по-прежнему оставалась на другой стороне улицы, помахала Старки рукой. Сантос оглянулся, должно быть не понимая, почему она к ним не подходит.

Старки помахала в ответ, показывая, что скоро присоединится.

В торговом центре имелись несколько магазинов одежды, которые торговали со скидкой, кабинет дантиста, сообщавшего по-испански, что у него «семейные цены», и кубинский ресторан. Всех их эвакуировали до того, как Риджио приблизился к бомбе.

Старки заставила себя подойти к ресторану, неожиданно почувствовав, что едва держится на ногах. Но ее тянуло туда, как будто дверь заведения была единственным для нее спасением. Она забыла про Марзик. И про Чарли Риджио. Старки слышала только, как громко бьется у нее в груди сердце, и знала, что если сейчас не сумеет его успокоить, то упадет и умрет на месте.

Когда она вошла в ресторан, ее начало трясти от слепой ярости, которая не поддавалась никакому контролю. Ей пришлось схватиться за стойку бара, чтобы устоять на ногах. Старки понимала, что, если в этот момент сюда войдут Келсо или Лейтон, она может навек проститься с карьерой. Келсо отправит ее в «Берег», она уйдет в отставку по медицинскому освидетельствованию, и от жизни Кэрол Старки останутся только страх и пустота.

Старки быстро открыла сумочку и достала серебряную фляжку. Почувствовав, как джин обжег горло, она тут же принялась ругать себя за слабость. Ей было стыдно. Она вновь глубоко вдохнула, не позволяя себе пригнестись, потому что знала, что, если сядет, подняться сможет еще не скоро, сделала новый глоток из фляжки и постепенно уняла дрожь.

Старки отчаянно сражалась с воспоминаниями и страхом, убеждая себя, что иначе нельзя, что это не-

обходимо и все будет хорошо. Она сильная. Она справится. И одержит победу.

Через некоторое время ей удалось взять себя в руки.

Старки убрала фляжку, ополоснула рот и вернулась на место преступления.

Она всегда была железной девчонкой.

Старки отыскала патрульных, и те сообщили ей, когда был получен вызов. Затем по мобильному телефону связалась с начальником дневной смены неотложной помощи, объяснила, кто она такая, назвала примерное время вызова и попросила найти запись разговора и адрес, с которого поступил звонок. Многие не знают, что все звонки на код 911, а также номер телефона и адрес, по которому телефон зарегистрирован, автоматически записываются на пленку. Это необходимо, потому что люди в критической ситуации, особенно когда они умирают или их жизни угрожает опасность, не всегда бывают в состоянии внятно назвать свой адрес. Учитывая этот фактор, система сама выясняет местонахождение информатора.

Старки оставила номер своего рабочего телефона и попросила начальника смены предоставить ей нужные сведения как можно скорее.

Закончив разговор, Старки перешла на другую сторону улицы к дому, где Марзик и Сантос опрашивали жильцов, которым позволили вернуться. Увидев ее, они оба направились навстречу.

Хорхе Сантос был невысоким мужчиной, и с его лица не сходило вопросительное выражение, словно он силился что-то вспомнить. Именно его имя подарило Сантосу весьма сомнительное прозвище Хукер*.

Бет Марзик была разведена и имела двоих детей, которых оставляла у матери, когда работала. Она торго-

---

* Hooker (англ.) — проститутка.

Содержание

ПРОЛОГ	7
ЧАСТЬ I	15
ЧАСТЬ II	213